

ХРИСТОСЛАВЫ.

...Изъ храма, полного золотого блеска и сиянiя, какъ изъ огненной печи, на улицу съ предразсвѣтнѣйшій сумракъ черной волной вылилась густая толпа людей, а вслѣдъ имъ шла радостная пѣснь о рожденiи Христа. Несся съ собою запахъ ладона и навѣянное благослуженiемъ кроткое настроенiе, люди, поздравляя другъ друга съ праздникомъ и разговаривая тихо, точно боясь спугнуть что-то, разсыпались по улицѣ и тонули въ сумракѣ утра такъ-же незамѣтно, какъ звуки колоколовъ въ небѣ гдѣ еще горѣли звѣзды... Мелкiя снѣжинки носились въ воздухѣ и, пролетая въ свѣтъ фонарей, вспыхивали въ немъ, какъ бриллыанты...

Двое мальчнковъ снѣжно по тротуару бѣжали опережая прохожихъ, толкая ихъ и смѣло толкаясь въ двери и ворота домовъ. Одинъ изъ нихъ, высокiй и тонкiй, съ острымъ носомъ и живыми, маленькими глазками на худомъ лицѣ,—былъ одѣтъ въ женскую кофту, подпоясанную узкимъ ремнемъ и въ валѣные сапоги; длинныя рукава его одежды болтались въ воздухѣ, когда онъ взмахивалъ руками, чтобъ поправить большую сѣрую шапку то и дѣло падавшую ему на носъ. Другой былъ меньше его ростомъ, плотнѣе сложенъ и чище одѣтъ въ рыжеватое пальтишко и въ кожаные сапоги съ резиновыми галошами, а на головѣ имѣлъ блинообразный картузь, козырекъ котораго бросалъ большую и черную тѣнь на его круглое лицо.

— Заперлись... ишь жадные! бормоталъ первый толкаясь въ двери.

Его товарищъ сопѣлъ, шмыгалъ носомъ, молча останавливался у одной двери и молча стремился къ другой...

— Вотъ оно! Отперто... айда скорѣе, Яшка! И какъ мыши въ щель пола—они юркнули въ калитку большого дома, а очутившись на дворѣ быстро усмотрѣли въ стѣнѣ дома черную пасть двери и ринулись къ ней.

— Лѣстница...—шепталъ въ темнотѣ высокiй мальчикъ.—Смотри ты, увалень, не грохнись...

— Прогонять,—робко прошептала Яшка.

— Ну, такъ что?

— Рвачку не дали-бы...

— Дверь нашель... ты смотри,—пой да не ври...

Дверь отворилась предъ ними сама собой, чуть не сбивъ ихъ съ ногъ и на порогѣ ея появился мужикъ въ новомъ полубубкѣ...

— Это кто?—грозно спросилъ онъ.

— Дядинька! позвольте Христа прославить...

— Ахъ, чтобъ вамъ... утрафили таки! Я было только шель ворота запереть—анъ они ужъ—вотъ они! Ну идите...

Онъ посторонился и пропустилъ ихъ въ кухню, гдѣ было нѣсколько женщинъ. Свѣтъ большой лампы рѣзалъ глаза мальчикамъ и, шурясь, они искали по угламъ образа.

— Вонъ гдѣ! ткнула одна изъ женщинъ рукой въ уголъ и ласково добавила.—Слѣпыши... Остроносый толкнулъ товарища ногой и запѣлъ, учащенно—крестясь: „Христосъ рождается, славить!“.. Яшка пѣлъ синоплымъ альтомъ, а его товарищъ—дискантомъ... Публика слушала, глядѣла имъ въ раскрытые рты, вздыхала и крестилась. Въ кухнѣ пахло окорокомъ и еще чѣмъ-то теплымъ и вкуснымъ. Остроносый мальчикъ пѣлъ, глаза его бѣгали по стѣнамъ и лицамъ слушаютей, стараясь угадать—сколько они дадутъ?

— Ангелы съ пастырями славосло—о...

Не выдержавъ щекочущаго ноздри запаха, Яшка оборвался, сморщилъ носъ и громко чихнулъ. На лицахъ публики мелькнули улыбки.

— Волсви-же со звѣздою путешествуютъ...—пѣлъ остроносый и толкалъ товарища кулакомъ въ бокъ. Но тотъ молчалъ, сконфуженный тѣмъ, что чихнулъ; молчалъ, наклонивъ голову, и ему казалось, что вотъ-вотъ мужикъ дастъ ему подзатыльника...

— Читай рацею... тихонько поощрялъ его товарищъ.

— А?—шепнулъ Яшка, не поднимая глазъ, но чувствуя, что всѣ чего-то ждутъ.

— Рацею..., дуракъ!

Яшка вспомнилъ, что отъ него требовалось и, рукавомъ утеревъ носъ, скороговоркой зачастилъ;

Въ днесь Пресвѣтлая Дѣвица,

Небу и землѣ Царица,

Царя Христа рождаетъ

Въ Ёрдани его купаетъ...

А... а...

— Дальше я забылъ! откровенно сказа онъ публикѣ, помолчавъ немного. Женщины смѣялись, глядя на него улыбающимися глазами, а его товарищъ нахмурился и искося сердито смотрѣлъ на него...

— Ну, нате вотъ вамъ! сказала одна изъ женщинъ, сунувъ въ руку Яшкѣ серебряную монетку.

— Вотъ это... покорно благодарю! одорилъ ее Яшка, глядя ей въ лицо ясными глазами.—А ему? кивнулъ онъ головой на товарища. И онъ тоже славилъ!

— А ты съ нимъ подѣлился, посовѣтовалъ мужикъ при общемъ хохотѣ публики.

Яшка посмотрѣлъ на монету и недовольно завылъ:

— Гривенникъ всего дали, да подѣлился. Тоже!

— Вотъ такъ чертенокъ! воскликнулъ мужикъ.—Ну, на вотъ еще пятакъ...

Публикѣ понравился откровенный Яшка—ему дали еще гривенникъ, потомъ еще три копейки и два новенькiе трешника.

— Ну, вотъ... теперь я подѣлюсь... прощайте!—довольно сказалъ Яшка и повернулся къ двери, сопровождаемый смѣхомъ.

— Пойди запереть за ними ворота-то, то они, какъ градъ посыплются—сказалъ мужикъ, тяжело шагая вслѣдъ за мальчиками.

Когда они очутились за воротами, остроносый сказалъ:

— Вотъ какъ ловко ты ихъ!... сколько выклянчилъ?! Н-ну! И онъ подпрыгнулъ отъ радости.

Одобренiе товарища заставило Яшку почувствовать себя героемъ; онъ надулъ щеки и гордо сказалъ:

— А что на нихъ смотрѣть? Я—храбрый... Я еще не такъ могу... Я одинъ разъ славилъ тоже...

— А ты вѣдъ говорилъ, что въ первый разъ идешь славить?

Яшка осѣкся, и недовольно посмотрѣлъ на товарища: у него въ воображенiи создалась такая яркая иллюстрацiя его храбрости!.. А этотъ мѣшаетъ ему рассказать о ней...

— Нѣтъ, я не говорилъ, что первый...

— Говорилъ, не ври...

— Не говорилъ...

Они поссорились-бы, но тутъ предъ ними со скрипомъ открылась дверь какого-то

крыльца, изъ нея вышелъ бариинъ, а остроносый мигомъ уцѣпился за нее и, не позволяя ей закрыться, крикнулъ въ щель.

— Позвольте Христа прославить!..

— Я те прославлю!—послышалось изъ-за двери, и остроносый отступилъ отъ нея. Но Яшка неуклюже всталъ на его мѣсто и, сунувъ голову въ щель между косякомъ и дверью, повторилъ возгласъ.

— Ишли прочь! отвѣтили ему.

Мальчики посмотрѣли на дверь, вздохнули и пошли дальше. Товарищъ Яшки ругался, а Яшка шмыгалъ носомъ и молча толкалъ ногой въ калитки и двери домовъ. Вездѣ было заперто. Свѣтало и морозъ щипалъ уши и щеки мальчиковъ, имъ немножко хотѣлось спать и было скучно однимъ въ пустынной улицѣ, среди тяжелыхъ, молчаливыхъ и холодныхъ зданій.

— Гляди! сказала Яшка, указывая въ удалъ, гдѣ черезъ дорогу перебѣгали тоже двѣ маленькія фигурки.

— Мальчишки... вздуюмъ что-ли?

— Ну ихъ!

— А что?

— Да... рано еще драться...

— Ничего не рано—резонно отвѣтилъ остроносый.

— Тебѣ-бы все только драться! ворчливо указалъ Яшка.

— А ты—трусиска!

— Ладно...

— Думаешь не трусиска?

Яшка остановился, выставилъ ногу впередъ и, сжавъ кулаки сдержанно предложилъ товарищу:

— Давай подеремся со мной?

Остроносый тоже всталъ было въ должную позицію, но сейчасъ-же сказалъ:

— Нѣтъ, не буду... айда славить... послѣ подеремся...

— То-то вотъ! солидно сказалъ Яшка.

— Ты думаешь—я тебя боюсь? презрительно возразилъ ему товарищъ.

Переругива они вновь дошли до незапертыхъ воротъ, тотчасъ-же свернули на дворъ и, на минуту остановившись, молча избрали своей цѣлью одну изъ дверей.

Имъ снова пришлось подниматься вверхъ по узкой и темной лѣстницѣ, цѣпляясь руками за стѣны и перила, сдерживая дыханіе, они осторожно лѣзли вверхъ и вдругъ Яшка тихо и сдавленно занылъ.

— Ой-ой-ой...

— Чего ты? шепотомъ спросилъ его остроносый.

— Обжегся... у-у-у...

— Обо что?..

— О... обѣ... кисель что-ли-то... Ставятъ, черни, кисель на дорогѣ... фу... фу...

— Да гдѣ?

Остроносый протянулъ руку впередъ и въ темнотѣ нащупалъ что-то вродѣ подоконника, и на немъ горячую плешку...

— Это не кисель, а студень... Слышишь какъ пахнетъ? Выставили, чтобы застыла... Ты рукой въ нее втирился?

— Рукой... и облился весь...

— Ну, иди...

— Да! Какъ-же!.. увидать на мнѣ эту студень-то, чай трешку дадутъ...

— Ну такъ айда назадъ...

— Давай, выльемъ ее на лѣстницу? вдругъ предложилъ Яшка. Его товарищу понравилась эта оригинальная мысль. И, задыхаясь отъ сдавленнаго смѣха, онъ тащилъ большую тяжелую плешку, тащилъ и шепталъ:

— Скользко будетъ... кто пойдетъ—грохъ!

Яшка тоже захихикалъ.

Но—увы! плешка какъ-то вырвалась изъ рукъ яшкина товарища и съ грохотомъ полетѣла внизъ по лѣстницѣ. Подъ ноги славильщикамъ полилась скользкая, клейкая масса, они стремглавъ кинулись внизъ и—оба поскользнувшись на пути, уготованномъ ими для ближнихъ,—кувыркомъ полетѣли по лѣстницѣ. Сзади ихъ наверху раздавались крики, но они, ошеломленные паденіемъ, подгоняемые страхомъ, уже бѣжали со двора, бѣжали и съ радостью слышали, какъ по лѣстницѣ кто-то летѣлъ внизъ съ тою-же быстротой и тѣмъ-же порядкомъ, какъ и они.

— Ба—аюшки! раздавался въ тишинѣ испуганный крикъ, уби-и-и-и... ба-а-а...

Мальчики мчались по улицѣ точно ими выстрѣлили. Но, забѣжавъ за уголъ, они сразу остановились и, взглянувъ другъ на друга, принялись хохотать. Хохотали, не говоря ни слова до той поры, пока Яшка не взглянулъ глазами полными слезъ отъ смѣха на полу своего пальто. Тутъ лицо его вытянулось и смѣхъ оборвался. Вся лѣвая сторона его пальтишка была густо полита сѣрой массой съ какими-то кусочками въ ней, и морозъ уже плотно прикрѣпилъ ихъ къ пальто. Яшка попробовалъ память полу въ

рукахъ,—но студень не отставала. Тогда онъ выпустилъ ее изъ рукъ и, сосредоточенно качнувъ головой, сказалъ.

— За-адутъ!

— А ты спрячь его...

Но Яшка молча, движеніемъ руки, отвергъ этотъ совѣтъ.

— Говорилъ... смотри, говорить. воскомъ не закапай пальто-то... Въ середу всего только на балчугѣ купили... хмуро объяснилъ Яшка.

— Это вѣдь не воскъ,—утѣшилъ его остроносый другъ...

— Воскъ-то, чай, лучше... его можно уютюгомъ... а то—объ самоваръ...

— Пороть будутъ?

— У—у! Здорово...

— А ты скажи имъ... чай, молъ, праздникъ... ужъ не порите!

— Ка-акъ-же!

Товарищи помолчали, пристально глядя на пальто. Потомъ остроносый сказалъ...

— Айда ужъ...

— Куда?

— А славить-то!

— Не пойду! Кратко отвѣтилъ Яшка.

— Ну?!

— Не пойду. Домой пойду...

— Прямо на порку-то...

— Сразу... лучше, ежели сразу-то...

— Ну... идемъ!

— И ты?

— И я домой... что я одинъ-то?

Они молча и неторопливо пошли по улицѣ, на которой уже начиналось движеніе. Солнце свѣтило, и лица у всѣхъ прохожихъ были такія розовыя, сияющія, веселыя. И иней на деревьяхъ смотрѣлъ такъ-же пышно и попраздничному весело.

— Госноди! Какой я несчастный!.. вдругъ тихо воскликнулъ Яшка и на глазахъ его показались слезы. Много искренняго, глубокаго горя и страданія прозвучало въ его возгласѣ.

Остроносый искоса взглянулъ ему въ лицо и утѣшительно сказалъ.—Не плачь... можетъ и не выпорютъ. Но Яшка, очевидно, твердо вѣрилъ въ неизбежность порки и въ отвѣтъ на слова товарища только головой тряхнулъ...